

СТО БРАТЬЕВ

ДОНАЛЬД
АНТРИМ

Перевод
Сергея Карпова

18+

МИО

ПРЕДИСЛОВИЕ ДЖОНАТАНА ФРАНЗЕНА

«Сто братьев», возможно, самый странный роман, когда-либо издававшийся американцем. Его автор Дональд Антрим, пожалуй, не похож на других живых писателей больше любых живых писателей. И все же «Сто братьев», как ни парадоксально, самый образцовый роман — примерно так же, как рассказчик романа, Даг, одновременно и самый уникальный из ста сыновей своего отца, и ярче всех выражает несчастья, желания и невроты остальных девяноста девяти. Роман говорит за всех нас как никто из нас.

В середине повествования Даг произносит то, на чем стоит весь роман: «Я люблю своих братьев и ненавижу их до печенок». Вся прелесть произведения в том, что Антрим создал рассказчика, который вызывает те же самые смешанные чувства, что и сам роман: Даг одновременно и неотразим, и невыносим. Гениальность же романа в том, что эти взаимоисключающие чувства вызывает архетипичный козел отпущения: эталонный страдалец, который раз за разом возникает на протяжении человеческой истории (заметнее всего — в лице

Иисуса из Назарета) и становится объектом и любви, и смертоубийственного гнева, после чего его ритуально казнят, чтобы остальные люди, не столь отважные, продолжали жить, раздираемые противоречиями.

В современности роль эталонного страдальца досталась творцам. Нетворческие люди полагаются на творцов, ценят их за то, что они придают удобоваримую форму основным человеческим переживаниям. Но в то же время творцов ненавидят — иногда даже до смерти — за сомнительность их нравственного облика и за то, что они доносят до нас болезненные истины, о которых нетворческие люди стараются не задумываться. Творцы сводят с ума, и «Сто братьев» как раз превосходный пример произведения, что соблазняет своей красотой и силой, а потом раздражает юродством. Часто роман смешной, но у этого юмора всегда опасный привкус. Так, Даг, рассказывая о плане рассадки за столом, когда он и его девяносто восемь братьев собираются вместе в сцене, навевающей мысли о Тайной вечере, отмечает, что его собственное имя, в отличие от остальных, написано «ярко-оранжевым» и что он «так и не понял почему». Оранжевый цвет напоминает как огонь, который несколько братьев разжигают в камине на первых страницах, так и пламя, что озаряет примитивный ритуал в финале произведения; этот цвет помечает Дага как загнанного зверя. В этом

мнимом «непонимании причины» и заключен весь юмор его положения, которое он одновременно осознает и отказывается принимать: он — любимый и ненавистный козел отпущения для братьев. Не потому ли надпись сделана другим цветом, что Даг — преданный генеалог своей семьи, бывший звездный квотербек семейной команды, надежный слушатель, к которому другие обращаются с вопросами о Боге; брат, что поддерживает родных с физическими и психическими травмами, забывая о самом себе? Или же потому (как постепенно и комично раскрывается в процессе повествования), что Даг — хронический лжец, который беспардонно ворует у братьев лекарства и деньги, склонен напиваться и вести себя неприлично, не скрывает причудливого фетиша братской обуви, а однажды, играя квотербеком в важном матче, упустил мяч в собственной зачетной зоне? Или же (вероятнее всего) потому, что Даг — творческий человек, чужой в семье, но в то же время находящийся в самом ее сердце; брат, взявший на себя обязанность ежегодно играть роль Короля кукурузы и исполнять «ночной танец смерти и жизни, растущей из смерти»?

«Сто братьев» говорят за всех нас потому, что все мы неизбежно чувствуем себя особым центром личных мирков. Это и смешной роман, и грустный, потому что в нем наш совершенно естественный солипсизм показывается одновременно смехотворным

и трагическим, обнажая наши узы любви и родства с мирками, в которых мы уже вовсе не обязательно находимся в центре.

На уровне исполнения это не книга, а чудо; и ей приходится быть чудом, ведь без непревзойденного авторского владения композицией, словом и деталями рухнет под весом собственного нелепого допущения. В первом же предложении Антрим благодаря волшебству запятых, точек с запятыми, дефисов и скобок умудряется назвать и описать всех девяносто девятерых братьев, которые собрались выпить и поужинать, а также их скверное маскулинное поведение и нежелание взять себя в руки и достойно похоронить прах отца. (В этом же предложении находится первое и последнее упоминание женщины — Джейн, виновной в исчезновении сотого брата; как будто по логике романа достаточно только назвать того, кто стал для брата второй половиной, чтобы исключить его самого из повествования.) Все действие разворачивается в огромной библиотеке фамильного особняка, чьи окна выходят на костры бездомных в «забытой долине» за стенами поместья, и ограничено одним-единственным вечером, тут и там отвлекаясь на случаи семейной истории межбратских насилия и жестокости. (Особенно красиво звучит воспоминание Дага о детской игре «Убей человека с мячом», воплощающей в себе всю любовь/ненависть братьев друг к другу

и предвосхищающей финальный ритуал с козлом отпущения.) События этого единственного вечера то кажутся фарсом, то раздражают и Дага, и читателя, но все они очень яркие и конкретные. В совокупности события романа производят впечатление сложного танца, и Даг, самопровозглашенный Король кукурузы, ведет его, увлекая за собой остальных братьев в своем путешествии по библиотеке.

Еще этот роман — достижение во включениях и исключениях. Из него исключены женщины (самое главное — мать/матери братьев), дети, любые уточнения места или года действия и, собственно, реалистичное объяснение, почему братьев так много, как они все помещаются в одном доме и чем живут за его пределами. Однако в этих фантастических рамках можно найти на удивление всеобъемлющее перечисление того, что мужчины делают и чувствуют среди других мужчин. Футбол, драки, бои едой, шахматы, издевательства, игры, охота, выпивка, порнография, розыгрыши, филантропия, инструменты («Даг, ты когда вернешь мою шлифмашинку?» — бросает походя брат Ангус), комплексы среднего возраста из-за недержания мочи, размера пениса и лишнего веса — здесь есть всё. А еще автор уложил в книгу, несмотря на ее лаконичность, всю генеалогию человеческих знаний и опыта — от доисторических времен до запоздалого настоящего, когда цивилизация

зависла на краю гибели. Как обширная коллекция книг и периодики на любую тему и из любой эпохи хранится в единственной протекающей и полу-заброшенной библиотеке, так в единственном героическом и сбоящем сознании рассказчика собраны все человеческие архетипы («первобытные грани “я”», по словам Дага).

Когда братья рассаживаются за столом, один из них предлагает отремонтировать библиотеку: «Как некоторым из вас известно, протекающий потолок прямо над “Философией сознания” недавно прорвался и вода уничтожила от семидесяти до восьмидесяти процентов “Теории познания”». Однако братья находятся словно в одном из тех кошмаров, где никто не в силах пошевелиться и что-либо предпринять; они способны только наблюдать, как библиотека приходит в упадок. Мигают люстры, внутрь заливает дождь, всюду порхают летучие мыши, ломается мебель, в дорогие ковры втаптываются объедки. Весь роман омрачен прозрением — или страхом, или предчувствием, — что постмодернизм ведет нас вовсе не вперед, а назад, в первобытное: что наш огромный и с трудом обретенный запас знаний в итоге окажется бесполезным и будет утрачен. Даг намекает на эту утрату на первых же страницах книги, когда описывает порнографические иллюстрации восемнадцатого века, вызвавшие глубокий интерес некоторых женатых братьев. «Широко

известно, что во времена Просвещения гигиена была не в чести, — отмечает он. — В этих книжных гравюрах, где аристократы со слезящимися глазками по-собачьи занимаются любовью, не снимая шляп, кроется сифилисное вырождение».

Во второй половине романа намеки на упадок уже гремят как набат; кульминацией становится блестящая сцена, где среди трудов «либеральных теологов, антикваров и библиографов» сам Даг в экстазе мочится «на пару литературных шедевров». В отчаянии, пришедшем на смену экстазу, гибель библиотеки и события, происходящие с самим Дагом, сливаются практически в единое целое. Человек становится миром, мир становится человеком; солипсизм доведен до логичного завершения; повествование наконец сходит с ума.

Безумие «Ста братьев» проистекает из готовности книги принять и даже превознести тот мрачный факт, что жизнь человека по своей сути есть гонка навстречу упадку и смерти. Этот роман — дионисийский сон, где от разъедающего хаоса смертности не ускользнуть ничему, даже здравому смыслу; зато форма романа отважно аполлоническая. Благодаря писательскому мастерству, использованию архетипов и ритуалов одиночество, на которое обрекает солипсизм, переосмысливается как универсальное и общечеловеческое. То, что Ник Каррауэй говорит о своем друге Джеке Гэтсби, можно сказать и о козле отпущения Даге:

«...Он оправдал себя под конец»*. А мы, братья и сестры Дага, пробуждаемся от жуткого сна с обновленными силами и способностью, как замечает Даг с иронией и одновременно с надеждой, «развиваться и процветать».

* Пер. Е. Калашниковой. *Прим. пер.*